

В этот момент из эфира неожиданно донесся голос того самого диспетчера:

— На «Ночном» обычно так и бывает, всего двое на смене. У тебя сегодня ночной рейс?

Чэнь Цзяюй удивился, что диспетчер не только ответил, но и заметил, что его рейс отличается от обычного.

— Да, по вторникам летаю довольно поздно, — ответил он.

Фан Хао больше ничего не сказал. Спустя некоторое время, увидев, что самолет Чэнь Цзяюя начал снижаться, он снова вышел на связь:

— Air China 8182, продолжайте снижение до 2200, поддерживайте, курс влево 290, давление 1008.

Чэнь Цзяюй:

— Снижаюсь до 2200, поддерживаю, курс влево 290, давление 1008. Air China 8182.

Затем наступила долгая пауза, прерываемая лишь редкими командами. Чэнь Цзяюй, следуя указаниям Фан Хао, выравнивал самолет по оси полосы, плавно гася скорость и высоту. Шум ветра, звуки приборов и радиопомехи сплелись в единый ритмичный узор.

Радиус зоны подхода составляет несколько десятков морских миль. И хотя современные гражданские лайнеры оснащены продвинутыми системами ILS — курсо-глиссадной системой посадки, использовать их можно только после того, как самолет снизится до определенного уровня. Кто-то однажды сказал: направить крошечный самолет на узкую полосу с такого огромного расстояния — всё равно что попасть стрелой в яблочко. Без наводки диспетчера совершить такую посадку практически невозможно.

Фан Хао:

— Air China 8182, снижение до 2500, поддерживайте, скорость 280.

Чэнь Цзяюй:

— Скорость 280, снижение до 2500, поддерживаю. Air China 8182.

Фан Хао:

— Air China 8182, скорость 220, поддерживайте до точки десяти миль до касания.

Чэнь Цзяюй:

— 220, поддерживаю до десяти миль. Air China 8182.

Фан Хао:

— Air China 8182, поддерживайте 1200, выход на глиссаду. Заход по приборам 17R, доложите о входе в курс.

Чэнь Цзяюй:

— Поддерживаю 1200, заход по приборам 17R. Air China 8182.

— Курс 290, заход по приборам 17R, курс доложил. Air China 8182.

Ян Вэйань наблюдал за этим диалогом: слаженность действий была подобна учебнику по радиообмену между землей и воздухом.

Наконец, Фан Хао произнес последнюю фразу:

— Air China 8182, полоса 17R, ветер у земли 330, 4 метра в секунду, посадка разрешена.

Чэнь Цзяюй уверенно посадил самолет:

— Air China 8182, совершил посадку.

Фан Хао:

— Air China 8182, освобождайте полосу через рулежку В2, работайте с рулением на 124.2, до свидания.

Чэнь Цзяюй ответил довольно непринужденно:

— Хорошо, до свидания. — А затем добавил: — И не забудь принять мою заявку в друзья, когда вернешься.

Ян Вэйань в изумлении повернул голову к Чэнь Цзяюю, подумав: неужели такое можно говорить в эфире?!

Чэнь Цзяюй бросил на него взгляд и, руля по полосе, наставительно произнес:

— А что, налаживать отношения с диспетчерами — это тоже очень важно.

Ян Вэйань:

— ...

Этот рейс оказался очень поздним, и Чэнь Цзяюй порядком устал. Он купил бутылку колы zero в круглосуточном автомате, чтобы хоть немного взбодриться. К счастью, ночной Пекин был свободен от пробок, и через пятьдесят с лишним минут он уже был в жилом комплексе Лицзин

в районе Шуанцзин. Он решил заехать к родителям. Когда он добрался до дома, было уже за два часа ночи.

Чэнь Цзяюй тихо приоткрыл дверь. Первое, что бросилось в глаза — горящий свет в гостиной и густой запах табака. Присмотревшись, он увидел на столе недопитую бутылку. У Чэнь Цзяюя тут же разболелась голова.

— Пап, — позвал он, после чего закрыл бутылку пробкой и убрал её на самую верхнюю полку шкафа.

Чэнь Чжэн даже не обернулся, лишь вяло махнул рукой, прохрипев:

— Не лезь ко мне.

Чэнь Цзяюй постоял немного, опустив руки, а затем сделал шаг вперед:

— Пап, кури поменьше. Завтра ведь нужно навестить маму.

Мать Чэнь Цзяюя, ЦАО Хуэй, уже больше года была серьезно больна. Раньше она каждый день ходила с подругами в горы и на танцы, даже на Хайнань ездила отдыхать на пару месяцев. Но по возвращении у неё начались бесконечные простуды и слабость. Когда они наконец обратились к врачам, обнаружили опухоль в груди — это был рак молочной железы третьей стадии, который уже начал давать метастазы по всему телу. После операции прошел год химиотерапии. Сейчас её состояние было ни плохим, ни хорошим; иногда для удобства лечения она ложилась в больницу. Его мать была на восемь-девять лет моложе отца, и в свои пятьдесят с небольшим она должна была радоваться жизни, а вместо этого столкнулась с бесконечными тревогами и болями. Рак — это беда не только больного, и для их семьи, а особенно для отца, это стало страшным ударом. Он постарел буквально за одну ночь. Чэнь Цзяюй был единственным сыном, а его профессия пилота предполагала постоянные разъезды. Он не мог ухаживать за родителями сам, поэтому нанимал почасовую помощницу. В последние месяцы та несколько раз говорила ему, что отец стал забывчив: иногда по вечерам не помнил, что ел утром. Чэнь Цзяюй прикинул: отцу шестьдесят пять, для болезни Альцгеймера рановато, но всё же. Именно поэтому он и подал прошение о переводе с международных рейсов на короткие внутренние. Короткие маршруты изматывали — иногда случалось по пять-шесть взлетов и посадок за день, как сегодня, — но зато теперь он мог каждый вечер возвращаться домой.

Чэнь Чжэн кашлянул, затушил сигарету в пепельнице и спросил:

— Почему тебя опять поставили на ночной рейс?

Чэнь Цзяюй ответил спокойно:

— Это просто работа. Какая разница, кто летит? Кому-то всё равно нужно работать в ночную смену.

В тусклом свете ламп Чэнь Цзяюй видел, что волосы отца стали абсолютно белыми, а лицо

выдавало глубокую старость. Он подумал: когда всё это началось?

Чэнь Чжэн заступился за сына:

— Ты же совершил подвиг в Сянгане, после такого тебе должны были дать работу полегче. На днях поговорю с твоим дядей Лю.

Лю Хэн был вице-президентом компании. Они выпивали с отцом, не сказать, что были близкими друзьями, но Чэнь Чжэн любил упоминать это знакомство. Связи в военной и гражданской авиации были предметом его гордости. Он часто жил в том времени, когда Чэнь Цзяюй был еще стажером. Однако Чэнь Цзяюй всегда был прилежным учеником, никогда не создавал проблем и не просил отца использовать связи ради него.

Разумеется, Чэнь Цзяюй не понравилось это заявление. Он нахмурился:

— Пап, перестань вспоминать Сянган. Меня это только раздражает.

Чэнь Чжэн сменил тему, но продолжил отчитывать сына:

— Я же говорил, переезжай поближе к аэропорту. Не хочешь, всё равно живешь с нами. Каждый день ездить на работу — такая морока, а если пробки? Неровен час, опоздаешь на рейс.

Чэнь Цзяюй смел веником окурки с пола, чтобы хоть как-то привести комнату в порядок:

— Это мой выбор, не лезьте в мои дела.

Чэнь Чжэн тяжело вздохнул:

— Когда мама была дома, она командовала мной, а теперь, когда её нет, ты взялся за меня.

Чэнь Цзяюй не знал, что ответить. Когда мама была дома, она была клеем, скреплявшим их семью. Между отцом и сыном часто возникало либо гробовое молчание, либо ссоры. Каждый раз он надеялся, что завтра маме станет лучше, но тут же вспоминал, что таких дней осталось немного. Врачи дали им лишь год. В этом доме с отцом он постоянно чувствовал, будто его разрывает на части: одной половиной сердца он жалел уставшего отца, а другой — задыхался от давления. За окном вечно сгущались тучи, а потолок, казалось, давил на позвоночник.

Раньше у него была квартира рядом с аэропортом, но после диагноза матери он сдал её в долгосрочную аренду, а сам купил квартиру в их жилом комплексе Лицзин, чтобы иметь хоть немного личного пространства и возможность приглядывать за родителями. Когда он наконец уложил отца спать и вернулся к себе, было уже три часа ночи. Измотанный и сонный, он бросил сумку в прихожей, собираясь сразу лечь спать.

В этот момент пискнул телефон. Он удивился — все чаты были отключены, кто мог писать в такое время, кроме коллег?

Он достал смартфон: «□» принял вашу заявку в друзья. Оказалось, что есть люди, которые ложатся еще позже пилотов и чей график перевернут с ног на голову — это авиадиспетчеры.

Чэнь Цзяюй уже почти забыл об этом, видимо, Фан Хао услышал его просьбу в эфире.

Он отправил сообщение: «По поводу пятницы — я действительно не знал ситуации. Извини, не держи зла».

Фан Хао ответил быстро: «О, по работе — никаких претензий. Вы не держите зла, и я не держу».

Чэнь Цзяюй отправил смайлик «ОК». Он понял, что у Фан Хао определенно есть талант — закрывать любую тему на корню.

Фан Хао увидел запрос в друзья от пользователя «jiauyuchen». Сначала он не понял, кто это, но, вспомнив напоминание в эфире, осознал — Чэнь Цзяюй. Разве сегодня в радиообмене у них не всё было нормально? Что он опять задумал? Фан Хао не понимал, но всё же нажал «принять» — ему было интересно, что именно тот хочет сказать.

Когда пришло извинение, Фан Хао не почувствовал искренности. Скорее всего, после того как Чэнь Цзяюй понял, что не сможет победить его в словесной перепалке, он сменил тактику и решил наладить отношения. В аэропорту Дасин десятки диспетчеров — почему Чэнь Цзяюй решил подружиться именно с ним? Фан Хао не понимал и не хотел понимать. У него всегда было плохо с офисной политикой. Раньше Лу Янь намеками предостерегала его: «Фан Хао, ты лучший диспетчер, которого я видела, ты будто рожден для этой работы, но мне за тебя страшно». Фан Хао понял, что она имела в виду: работа — это не только управление самолетами. Самолет — не бездушная машина, за ним стоят люди. Диспетчер должен уметь взаимодействовать с пилотами, авиакомпаниями и начальством, нельзя никого обидеть. От этих мыслей у Фан Хао начинала болеть голова, особенно после повышения: теперь нужно было не только наставлять стажера Ван Чжаньбо, но и участвовать в бесконечных совещаниях по безопасности. Наверное, есть люди, которые с рождения обладают даром лавировать между интересами разных групп и выходить сухими из воды, — такие, как Чэнь Цзяюй.

<http://bllate.org/book/27721/3365132>